

СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ, ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Рассматриваются предпосылки, условия и особенности формирования междисциплинарной парадигмы современного исторического знания, основные тенденции реализации и эволюции междисциплинарного подхода в изучении истории, причины его актуализации в историографии второй половины XX в., возможности, ограничения и правила применения.

Ключевые слова: междисциплинарная кооперация, научная парадигма, междисциплинарная парадигма, эпистемологический подход, историография, методология, принцип, метод, исследовательский инструментарий.

Специфика методологических подходов, применяемых в той или иной сфере социально-гуманитарного познания, определяется решением ее основных эпистемологических проблем, пониманием предмета и проблемного поля исследования. Историческая наука, не являющаяся в этом отношении исключением, пережила во второй половине XX в. качественную трансформацию, связанную с пересмотром своего предмета, теоретического багажа и методического инструментария. Одним из главных факторов этих изменений, наряду с антропологизацией исторического знания, воздействием «интеллектуальных вызовов» эпохи постмодернизма, стало утверждение в исторических исследованиях принципа междисциплинарности. Названный феномен зародился и получил развитие во второй половине XIX – начале XX в.¹ под влиянием специализации наук о человеке и обществе, оформления в этот период целого ряда

новых научных дисциплин (социологии, исторической и социальной психологии, антропологии, демографии и др.), продуцирования последними эффективных объяснительных моделей, методов и новых видов исторических источников.

Значение этого поворота для развития исторической науки трудно переоценить, поскольку он дал импульс постоянному обновлению и обогащению проблематики и методов исторического исследования. В этой связи И. М. Савельева и А. В. Полетаев отмечают: «Последовательные и постоянные контакты с социальными и гуманитарными науками и даже с литературой и другими видами искусства модифицировали облик истории, давали ей возможность проникать в закрытые для нее самой зоны знания, использовать новые методы, экспериментировать с историческим материалом. Благодаря такому синтезу история всегда соответствовала своему времени, т. е. по-

¹ Контакты истории с другими дисциплинами имели место изначально, но как широкая практика взаимодействия смежных социальных и гуманитарных наук междисциплинарная кооперация возникла именно на рубеже XIX–XX вв.

следовательно отражала основные научные парадигмы эпохи» [1997. С. 97].

Методологическими предпосылками применения междисциплинарных методов, возникновения феномена междисциплинарной кооперации являются единство науки как способа познания природы и общества, реализация во всех ее сферах базовых эпистемологических принципов и общенаучных методов; наличие общего объекта гуманитарных и социальных наук – человека и общества (при различии их предмета); использование в смежных дисциплинах аналогичных источников и серий документальных данных. Методы их обработки, выработанные в этих дисциплинах, могут быть применены в практике историка, обогащая его исследовательский инструментарий.

Возможности и ограничения в применении методологического инструментария других наук в историческом исследовании определяются прежде всего пониманием общего и особенного в предмете и методе социальных, гуманитарных, а также естественно-научных дисциплин. Значимую роль в выработке методологических условий и принципов междисциплинарных заимствований играет трактовка характера связи между субъектом и объектом исторического познания, представления о природе и специфике истории. Природа исторического знания воплощается, в частности, в специфике исторического метода, проблема реализации которого является центральной в методологии, соединяя вопросы теории и практики исторических исследований. Метод в качестве своей важнейшей составляющей включает правила, приемы, процедуры исследования источников, определяемые, в свою очередь, теоретическими подходами, используемыми историком. Эволюция представлений об историческом методе, путях и способах критики и интерпретации источников происходила под влиянием смены научных парадигм и эпистемологических подходов в исторической науке, особенно значимо воздействовавших на ее облик в XX в.

Еще в начале XX в. было предпринято осмысление места истории в системе социальных и гуманитарных наук, начались поиски «исторического синтеза», инициированные А. Берром [Савельева, Полетаев, 2005. С. 75]. Основатели школы «Анналов»

М. Блок и Л. Февр в конце 1920-х – 1930-е гг. обосновали применение принципа междисциплинарности в историческом исследовании и положили начало систематической практике его реализации, приобретшей во второй половине XX в. широкие масштабы.

Осуществленный ими пересмотр методического инструментария определялся переосмыслением самого предмета и характера исторического исследования. Впервые в рамках профессионального исторического сообщества М. Блок и Л. Февр обоснованно переставили акценты в определении предмета истории, которая должна была превратиться из повествования о событиях и процессах в исследование человека прошлых обществ с присущими ему сознанием, поведением, образом жизни, формами деятельности. Положив начало «новой исторической науке», антропологическому повороту в развитии историографии, М. Блок определял историю как «науку о людях во времени» [1986. С. 18], а Л. Февр писал: «История – наука о человеке, о прошлом человечества, а не о вещах или явлениях <...>. Она использует факты, но это – факты человеческой жизни <...>. История использует тексты, но это – человеческие тексты» [1991. С. 19].

М. Блок и Л. Февр не просто постулировали необходимость обогащения инструментария исторической науки, но и сделали установку на междисциплинарность нормативным требованием исторического исследования, блестяще реализовав междисциплинарный подход в своем собственном научном творчестве. Л. Февр писал, что историк должен использовать все источники, какова бы ни была их природа, «...те в особенности, что порождены бурным расцветом новых дисциплин: статистики; демографии <...>; лингвистики <...>; психологии...». Он подчеркивал: «Постоянно устанавливая новые формы связей между близкими и дальними дисциплинами, *сосредоточивать на одном и том же объекте исследования взаимные усилия различных наук – вот наиглавнейшая задача из тех, что стоят перед историей* (курсив мой. – О. П.), стремящейся покончить с изолированностью и самоограничением, – задача самая неотложная и самая плодотворная. Речь идет не только о заимствовании понятий, хотя иногда оно и

необходимо. Но прежде всего – о заимствовании методов и духа исследования» [Февр, 1991. С. 20]. Так, по сути, впервые в историографии была поставлена задача создания на базе обновленной истории новой интегральной науки о человеке.

Другим важнейшим аспектом нового подхода стали отказ от повествовательной истории, призыв к постановке проблем и выработке гипотез, коренное изменение отношения к объекту исследования. Изучая людей прошлого, утверждали анналисты, мы вступаем с ними в диалог, вовлекающий в историческое исследование как их ценности и другие аспекты сознания, так и систему ценностей историка [Гуревич, 1993. С. 15]. Проблематизация исторического познания предполагала обогащение перспектив его теоретического видения, рассмотрение источникового материала в новых исследовательских ракурсах, конструируемых на основе синтеза идей социальных и гуманитарных наук. Принципы и методы исследования источников, базирующиеся на понимании процесса познания прошлого как диалога историка и людей минувших эпох, использовании инструментария и достижений целого ряда наук о человеке и обществе, нашли дальнейшее развитие во второй половине XX в. в трудах последующих поколений «анналистов» (при всем различии этапов в развитии школы), представителей других направлений историографии [Поршнева, 2009. С. 36–49].

Особое значение для развития арсенала междисциплинарных методов в 1950–1960-е гг. имела теоретическая рефлексия, порожденная формированием структуралистской парадигмы в социальных и гуманитарных науках. Возникновение научной парадигмы было связано с появлением нового исследовательского направления – структурной лингвистики, основы которой заложил Фердинанд де Соссюр. Наибольший вклад в развитие структурализма, формирование его классической версии внесли Клод Леви-Стросс [2001], М. Фуко [2000], Р. Барт [1994]. Как методология исследования социальных и гуманитарных наук структурализм базируется на представлении об определяющей роли структуры, как совокупности отношений, в функционировании социальных и культурных систем, выявлении единых структурных закономерностей некоторого множества объектов. Структура

характеризуется устойчивой системой отношений между внутренними элементами, определяющей ее качественную специфику и общую природу, имеет структурные связи с более крупными социальными и культурными системами.

Значительное воздействие структурализм оказал на эволюцию школы «Анналов»: к 1950-м гг. в западной историографии победила «новая история» – история структур «большой длительности», история экономическая и социальная. В исторической науке утвердилась концепция «тотальной истории» – исследования, стремящегося дать объемную картину исторической жизни на разных ее уровнях. О «социальных глобальных структурах» писал и французский социолог Жорж Гурвич, идеи которого оказали определяющее воздействие на взгляды Ф. Броделя [Гуревич, 1993. С. 65]. Именно в творчестве Ф. Броделя, лидера второго поколения школы «Анналов», возглавившего журнал в 1956 г. после смерти Л. Февра, в наибольшей степени воплотилось создание истории структур [Бродель, 1986–1992. Т. 1–3]. Стремление последователей структурализма превратить гуманитарные науки в точные способствовало распространению в социальных и гуманитарных дисциплинах, включая историю, методов структурного анализа, моделирования, формализации и математизации, что, в частности, благотворно сказалось на развитии методики исследования исторических источников. В нашей стране структурно-семиотический подход к исследованию текстов, в том числе исторических источников, стал развиваться с 1960-х гг. после оформления московско-тартуской семиотической школы, лидерами которой были Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, Ю. И. Левин и др.

По обоснованной оценке Л. П. Репиной, в 1970–1980-е гг. в рамках «новой исторической науки» история стала интердисциплинарной за счет конструирования самого объекта исследования как поли / мультидисциплинарного, что привело к расширению предмета истории, круга источников и методов исследования, вызвало появление множества новых «гибридных» субдисциплин и значительное усложнение структуры исторической науки [2005. С. 8].

Одним из таких новых направлений, оформившихся в 1970-е гг., стала «историческая антропология», возникшая в резуль-

тате изменения исторической и собственно научной ситуации, внутренней потребности истории в дальнейшем обновлении методики и проблематики. Одним из средств такого обновления стало приоритетное использование достижений социальной и культурной антропологии, а также социологии, лингвистики. М. М. Кром выделяет ряд черт, присущих исторической антропологии во всех ее трактовках. Так, сторонники этого направления единодушны в том, что касается междисциплинарного характера исторической антропологии, плодотворного взаимодействия ее с социальными науками, в первую очередь – этнологией. Далее, все они видят важную задачу исторической антропологии в открытии «инаковости» минувших эпох, непохожести их друг на друга и на наше время. Наконец, историческая антропология имеет свою специфику в сфере проблематики: особое внимание историки этого направления уделяют символике повседневной жизни, манере поведения, привычкам, жестам, ритуалам и церемониям [2000. С. 35–36].

В 1980–1990-е гг. под влиянием постструктуралистской парадигмы гуманитарного знания в исторических исследованиях усилился интерес к социокультурной проблематике, индивидуальному и уникальному в истории, субъективности исторических акторов, роли социальных практик и индивидуальных стратегий в функционировании и развитии общества. В рамках новых направлений в историографии, возникших под воздействием интеллектуальных вызовов эпохи постмодернизма (новой социокультурной, новой социальной, новой культурной, новой интеллектуальной истории и др.), были аккумулированы и критически переосмыслены достижения и «вызовы» смежных наук. В ответ на крайности «лингвистического поворота», отрицание постмодернистскими теоретиками научного статуса истории, в рамках исторического сообщества были разработаны концепции «исторического опыта», новой социокультурной истории и др., позволявшие плодотворно использовать «рациональные зерна» постструктуралистской теории, принципы современной философской герменевтики, лингвистики, теории языка и дискурса.

Так, парадигма «новой социокультурной истории», как пишет Л. П. Репина, предполагала интерпретацию социальных процес-

сов разных уровней сквозь призму культурных представлений, символических практик и ценностных ориентаций. Наряду с освоением приемов литературной критики, внимание было привлечено к «социальной логике текста» – к внелингвистическим характеристикам дискурса, связанным с биографическим, социально-политическим, духовным контекстами, в которых был создан текст, а также с целями, интересами и мировоззренческими ориентациями его создателя [2011. С. 127]. Таким образом, перспективы нового междисциплинарного синтеза, обозначившиеся в конце XX в., были основаны на возможностях творческого освоения историками теоретических «поворотов», интеллектуальных «вызовов» и новейших тенденций в развитии гуманитарного знания.

С другой стороны, на историческое знание во второй половине XX в. оказывали мощное влияние принципиально иные парадигмы: неопозитивистская, марксистская, что обусловило утверждение к 1970-м гг. в ряде школ и направлений историографии сциентистских идеалов, представлений об истории как одной из социальных дисциплин, призванных изучать законы и механизмы общественного развития.

Это, наряду с уже отмеченным влиянием структурализма, обусловило обоснование и расширение применения в исторических исследованиях методов точных наук (математических, статистических), а затем и компьютерных технологий. Использование математических методов позволило, в частности, задействовать в более полном объеме информационный потенциал огромных массивов статистических данных, ввести их в научный оборот исторических исследований. В нашей стране во многом под влиянием системно-структурного видения функционирования общественно-исторических отношений в рамках марксистской эпистемологии сложилась влиятельная источниковедческая и методологическая школа акад. И. Д. Ковальченко [2003]. Для нее характерно особое внимание к проблемам извлечения, обработки и анализа информации исторических источников, прежде всего массовых, к использованию математических методов в исторических исследованиях. На ее основе сложилась и действует Ассоциация «История и компьютер», представители которой плодотворно применяют математические методы и реализующие их информа-

ционные технологии в исторических исследованиях.

Формирование неорационалистического направления в современной исторической науке, постановка вопроса об истории как строгой науке (в частности, в рамках когнитивно-информационной теории современного гуманитарного познания [Медушевская, 2008; Медушевский, 2009]) актуализировали поиск междисциплинарных по своему характеру научных методик, техник и инструментов, направленных на достижение обоснованных результатов исторических исследований [Мазур, 2010. С. 198–149, 488–449].

Развитие практики междисциплинарности привело в современных условиях к формированию целого ряда направлений коллективных кросс-дисциплинарных исследований: мульти-, интер- и трансдисциплинарных, различающихся по своим организационным формам и степени интеграции сотрудничающих дисциплин: от низшей ступени к высшей. Как отмечает Л. П. Репина, если под «междисциплинарностью» понималось главным образом заимствование теорий и методов других наук для решения внутрдисциплинарных проблем, то «трансдисциплинарным» называется подход, при котором сама проблема исследования не может быть сформулирована и решена в границах любой из сотрудничающих дисциплин [Репина, 2011. С. 27–29]. «Трансдисциплинарными» по своей сути являются исследования в сфере исторической памяти, социальной и этнической идентичности, исторической имагологии, гендерной истории, истории эмоций и других популярных направлений современной историографии.

Таким образом, междисциплинарная кооперация истории и других дисциплин в изучении человека и общества прошлого, получившая наибольшее развитие во второй половине XX в., сегодня приобретает особое значение. Это связано с превращением истории с ее новейшими методологическими ориентациями в междисциплинарную научную сферу, интегрирующую усилия и результаты исследований разных наук о человеке, с «историческим поворотом» в развитии самих социальных и гуманитарных дисциплин. Расширение предметного поля исторических исследований, включающего вопросы, традиционно решаемые смежными науками, особое внимание к че-

ловческой индивидуальности и проблемам сознания создают предпосылки и условия для реализации задач междисциплинарного синтеза в изучении человека.

Источниковедческие подходы, адекватные современной междисциплинарной парадигме исторического знания, базируются на углубленном понимании связи между историком, источником и историческим контекстом (реальностью прошлого). Под влиянием современной гуманитарной рефлексии на первый план выходит проблема интерпретации корреляции источниковой информации и социально-исторического контекста [Керов, 2002. С. 81]. Осознание «непрозрачности» всякой социальной реальности, не имеющей прямого и непосредственного выражения в источниках, определило постановку вопроса о необходимости интерпретации источникового материала с помощью современных научных подходов и методов целого ряда наук.

Другая характерная черта современного источниковедения, тесно связанная с междисциплинарным обликом исторической науки, – понимание исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры [Медушевская, 1999]. В свою очередь, это ориентирует на системное изучение источников, на обращение ко всему объему произведений культуры (в широком смысле), созданных в процессе человеческой деятельности и отразивших в себе различные аспекты развития общества и личности [Данилевский и др., 2000. С. 26–27]. Особую значимость имеют источники личного происхождения, язык которых рассматривается как способ самовыражения человека. Повторяемость и устойчивость речевых практик в источниках может служить основой для более широких обобщений [Соколов, 1999. С. 73].

Одним из важнейших источниковедческих подходов в условиях междисциплинарности является принцип соответствия характера и типа используемых источников предмету исследования, а также методам их обработки (принцип «изоморфности»). Так, структурный анализ как метод исследования документов применим прежде всего к массовым источникам, так как они содержат информацию об объектах, образующих определенные системы с соответствующими структурами, о взаимодействии данных

объектов. Это статистика, документы, имеющие стандартные разработанные формы или описывающие стандартные ситуации, однотипные нарративные источники, отражающие свойства массовых объектов, образующих определенную систему. Нарративные индивидуальные и массовые источники дают возможность применения интерпретативных методик, контент-анализа; массовые источники, имеющие стандартизированную форму, целесообразно исследовать также с помощью создания баз данных, способных обеспечить комплексное использование их информационного потенциала и т.д. Квантитативные методы обработки информации источников, прежде всего массовых, не утратили, несмотря на некоторый спад интереса к ним, своего значения. Квантификация, по справедливому замечанию А. К. Соколова, вовсе не противоречит дискурсу, хотя бы потому, что счет и измерение являются неотъемлемой характеристикой речевых практик и языковых конструкций [1999. С. 71]. Кроме того, квантитативный, многомерный статистический анализ, контент-анализ и другие математические методы исследования документов способны выявить скрытые, неочевидные смыслы исторических источников.

Формирование современной информационной среды обусловило углубленное внимание к специфическим источниковедческим проблемам компьютеризованного исторического исследования [Гарскова, 2010]. Все более заметное место в этом процессе занимают разрабатываемые в русле исторической информатики концепции, методы и технологии создания профессиональных тематических ресурсов. Разрабатываются стандарты описания и классификации информации исторических источников, позволяющие выполнять процедуры преобразования данных и обмена данными, более обоснованно подходить к критике источника, значительно расширить возможности источниковедческого синтеза [Там же. С. 154].

Наряду с признанием перспектив и возможностей сближения истории и других социальных наук в западной историографии уже в начале 1970-х гг. стали появляться критические оценки заимствования историей методов из смежных научных областей [Lucas Colin, 1985. Р. 9–11]. Они включали утверждения, что модели и концепции одной дисциплины не должны применяться в

фундаментально иных условиях другой, что поле истории не должно стать объектом экспансии других наук. Задачи новой истории, по мнению представителей школы «Анналов», были не только в том, чтобы уйти от обособленного, узко понимаемого исторического исследования, практиковать его многонаправленность, но и в том, чтобы бороться с опасностью превращения истории во что-либо иное, нежели история [Ibid. Р. 10]. Последнее утверждение отражает признание угрозы утраты аутентичности истории, специфики предмета и метода исторической науки в условиях междисциплинарности, искажений результатов исторического исследования в силу некорректного использования концептуального инструментария и методов других дисциплин.

Так, специфика истории, обусловленная ценностной природой исторического знания, неповторимостью и уникальностью событий и явлений прошлого, их изменчивостью порождает проблему сопряжения теоретических подходов, методов, терминов, понятий, языка истории и смежных социальных наук. «Всякая трансляция проблем, методов, концепций изначально порождает проблему адаптации и поэтому неизбежно сопровождается их искажением и трансформацией», – отмечает Л. П. Репина, обозначая главную эпистемологическую трудность междисциплинарных заимствований [2011. С. 33].

Наиболее распространенными трудностями, обуславливающими ограничения в использовании теорий и методов смежных наук, являются проблемы ориентации в чужой дисциплине и оценки потенциала новых теорий и методов; угрозы анахронизмов, обусловленных применением теорий, ориентированных на функционирование общества одного типа (одного времени) к обществам другого времени [Савельева, Полетаев, 2005. С. 85–90], неадекватность заимствованных методов предмету, задачам и источниковой базе исторического исследования, механическое перенесение терминов и понятий социальных и гуманитарных наук при изучении социальной реальности прошлого.

Большинство исторических понятий, в отличие от понятий социальных наук, носит описательный (описательный) характер, тесно связано с конкретным историческим контекстом и не может применяться вне его.

При использовании понятий смежных наук следует, на наш взгляд, учитывать идею М. Вебера об идеальных типах, не утратившую актуальность, позволяющую соединить изучение общего и индивидуального в истории. Идеальные типы, или понятия, как подчеркивал М. Вебер, суть внеэмпирические конструкты, которые служат для сопоставления, сравнения с ними действительности, но не отождествления с ней. Тем более, исторические явления не должны подгоняться исследователем под идеальные типы [1990. С. 389–393]. Полисемантность, недостаточная строгость и однозначность исторических терминов и понятий связаны с многоликостью самой исторической действительности, различной интерпретацией исторических источников, с использованием для этого разных теоретических конструкций. М. А. Юсим отмечает, что, используя исторические понятия, «мы вовлекаем комплекс разнообразных значений, в том числе и ценностных, которые выглядят самодостаточными, не требующими пояснения. Но в действительности их надо ставить под сомнение (деконструировать)» [2008. С. 65], обращая внимание на тесную связь исторических понятий с социальными и культурными ценностями и нормами. Ценностный аспект исторических понятий и категорий отчетливо отражается в использовании в исследовательской практике историографических метафор [Вжозек, 1991; 1994]. В то же время существуют методы работы с историческими понятиями, призванные минимизировать их относительность, неопределенность, или неадекватность: терминологический анализ, методы систематизации и анализа теоретических понятий, наконец, инструментарий такого методологического направления, как «история понятий» [Козеллек, 2006; История понятий..., 2010], рассматривающего роль и смысл понятий как неотъемлемой части процесса коммуникации в прошлом и предлагающего методы реконструкции и интерпретации смыслов и стоящих за ними политических и социокультурных практик.

Таким образом, принцип междисциплинарности, как способ получения нового знания, основанный на заимствовании теорий и методов других наук для решения проблем исторического исследования, предполагает соблюдение ряда правил, главными из которых являются:

- обновление объекта, объяснительных моделей, инструментария исследования;
- глубокое освоение теорий смежных наук;
- сопрягаемость и комплиментарность методологических подходов;
- адаптация, «историзация», совершенствование методов других дисциплин в соответствии со спецификой исторической науки;
- адекватность заимствуемых идей, понятий и методов логике, предмету, задачам и источниковой базе исторического исследования.

Итак, изучение истории сегодня – это сфера междисциплинарных исследований, где используются теоретические и практические достижения гуманитарных, социальных и точных наук. Их освоение историками способствует обогащению их интеллектуальной культуры, совершенствованию профессионального инструментария. Подключение процедур исторического синтеза, интуиции, силы мысли и творческого воображения позволяет историку изучать индивидуальность человека другого общества и эпохи, постигать «чужую одушевленность».

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. 616 с.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка: Пер. с фр. М., 1986. 256 с.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1986–1992. Т. 1–3.
- Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избр. произведения: Пер. с нем. М., 1990. С. 389–393.
- Вжозек В.* Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 60–74.
- Вжозек В.* Метафора как эпистемологическая категория (соображения по поводу дефиниции) // Одиссей: Человек в истории. М., 1994. С. 257–264.
- Гарскова И. М.* Источниковедческие проблемы исторической информатики // Российская история. 2010. № 3. С. 151–161.
- Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. 328 с.

Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории: Учеб. пособие для гуманитарных специальностей. М., 2000. 702 с.

История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. 328 с.

Керов В. В. Отношение крайне правых к думским учреждениям предвоенного периода // Россия в XX веке: люди, идеи, власть. М., 2002. С. 80–100.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003. 486 с.

Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв. СПб., 2006. 275 с.

Кром М. М. Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000. 80 с.

Левин-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001. 512 с.

Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. 608 с.

Медушевская О. М. Феноменология культуры: концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. Т. 2 (120). С. 100–136.

Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 358 с.

Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3–22.

Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. 2-е изд. Екатеринбург, 2009. 244 с.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. 560 с.

Репина Л. П. Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2005. С. 5–14.

Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. 800 с.

Савельева И. М., Полетаев А. В. «Там, за поворотом...» О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М., 2005. С. 73–101.

Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 39–76.

Февр Л. Бои за историю. М., 1991. 627 с.

Фуко М. Археология знания. М., 2000. 416 с.

Юсим М. А. Нормативная лексика историка // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. М., 2008. С. 64–65.

Lucas Colin. Introduction // Constructing the Past. Essays in Historical Methodology. Cambridge, 1985. P. 5–21.

Материал поступил в редколлегию 30.09.2012

O. S. Porshneva

INTERDISCIPLINARY PARADIGM OF THE MODERN HISTORICAL KNOWLEDGE: DEVELOPMENT, PERSPECTIVES AND LIMITATIONS

The article deals with the analysis of interdisciplinary cooperation phenomenon, causes of its appearance, tendencies of its evolution in the XXth century. The problem is considered in its connection with scientific paradigms, historiography trends, epistemological and intellectual challenges of that epoch. The paper also focuses on methodological principles, boundaries and conditions of the application of interdisciplinary approaches and methods.

Keywords: Interdisciplinary cooperation, scientific paradigm, interdisciplinary paradigm, epistemological approach, historiography, methodology, principle, method, research methods and tools.